

БРЕСТСКИЙ МИР И ПОЗИЦИЯ США

А. В. Березкин

Первым декретом Советской власти, как известно, был Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. Советское государство заявило о своем искреннем и твердом намерении проводить миролюбивую внешнюю политику, поддерживать мирные и деловые отношения со всеми государствами, независимо от их социально-политического строя.

Международный империализм, напуганный победой рабочего класса в крупнейшей стране мира, повел атаку против Советского государства, за восстановление в России эксплуататорского строя, за удержание ее в империалистической войне. Правящие круги США являлись одной из наиболее активных сил мирового империализма, враждебно встретивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию, ее политику мира и сотрудничества между народами. Тактика Соединенных Штатов Америки в отношении молодой Советской России сводилась к политике непризнания, бойкоту, к организации голодной блокады, поддержке внутренней контрреволюции и борьбе против диктатуры пролетариата. Вскоре после победы Октябрьской революции государственный секретарь Р. Лансинг писал президенту Вильсону, что большевики решили вывести Россию из войны и что устранение такой боевой силы затянет войну на два или три года, а это соответственно потребует от США и людей и денег. Устойчивое русское правительство, продолжал Лансинг, может создать в настоящее время только военная диктатура, подержанная дисциплинированными войсками. Единственно надежным ядром движения «достаточно сильного, чтобы вытеснить большевиков и организовать правительство», является, по его мнению, группа офицеров во главе с генералом Калединым. Последних надо обнадежить, предлагал Лансинг, в том смысле, что если они будут достаточно активны, то «получат моральную и материальную помощь от американского правительства»¹.

Правительство США приняло решение не вступать ни в какие мирные отношения со Страной Советов, ликвидировать власть большевиков, оказать всестороннюю поддержку контрреволюционным силам, возглавляемым царскими генералами². Для удушения власти рабочего класса в Россию были посланы затем войска Соединенных Штатов Америки и других империалистических держав.

Советскому государству с первых дней пришлось выдержать тяжелую борьбу, отбивая атаки империалистов Германии, США, Англии, Франции, Японии. Потребовались героические усилия, чтобы добиться выхода страны из грабительской войны и заключения мирного договора.

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914—1920». (Далее — «The Lansing Papers, 1914—1920»). Vol. II. Washington. 1940. pp. 343—344.

² Ibid., pp. 345—346.

Правительства США, Англии и Франции игнорировали советские предложения о подписании мирного договора, не присоединялись к переговорам о перемирии. По их вине 1917 год не смог закончиться освобождением народов от ужасов и тягот войны. Представители правительств Англии и Франции 9(22) декабря 1917 г. в Париже также сформулировали основные принципы своей политики по отношению к России. В англо-французском решении была сделана ставка на борьбу против Советской власти, на реставрацию капитализма. Каждый из участников стовора брал на себя обязательство нести определенные расходы по содержанию контрреволюционных сил. При этом подчеркивалось, что «само собой разумеется, Соединенные Штаты примут участие» в этом деле. Экспансионистские устремления США в отношении России, в частности Сибири, были хорошо известны сторонникам этого стовора. Франция намеревалась «заняться Украиной», Англия хотела овладеть Кавказом и другими южными провинциями³. Империалисты делили территорию России на «сферы влияния».

Это один из позорнейших фактов истории международного империализма. Он свидетельствует о том, какая страшная угроза нависла тогда над Советской страной. Империалисты рассчитывали осуществить свои планы, в частности, путем поддержки контрреволюционных «правительств» на окраинах России и белогвардейских армий. Помимо признания Финляндии, посол США в Петрограде Фрэнсис рекомендовал своему правительству признать Украину, Сибирь, донскую казачью область, «создать правительство для Архангельска»⁴. Создаваемым контрреволюционным правительствам отводилась роль орудия американо-англо-французских империалистов для борьбы против власти трудящихся, срыва политики мира, проводимой Советской Россией, и осуществления колонизаторских целей. Империалистическая Германия также мечтала о крахе диктатуры пролетариата в России и закабалении народов нашей страны.

Положение Советской России было чрезвычайно сложным. Две империалистические группировки дрались между собой, но каждая из них вынашивала планы удушения Советской власти и использования России в своих захватнических целях; обе выступали ярыми врагами пролетарской революции. В сущности, был один враг — международный империализм. ЦК Коммунистической партии и Советское правительство во главе с В. И. Лениным вели неутомимую борьбу за мир, за завоевание условий для восстановления разрушенного войной народного хозяйства и удовлетворение насущных потребностей трудящихся масс, измученных войной. Установление мира было самым настоятельным требованием народов России. Советское правительство неоднократно предлагало заключить всеобщий мир с участием всех воюющих стран. И лишь игнорирование державами Антанты советских предложений вынудило нашу страну начать 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Брест-Литовске переговоры о перемирии с Германией. 2(15) декабря было подписано соглашение о перемирии, после чего начались переговоры о заключении мирного договора. Появилась реальная возможность для всех воюющих стран принять участие в мирных переговорах и заключить всеобщий демократический мир.

17(30) декабря 1917 г. в газете «Известия» было опубликовано Обращение Наркоминдела к народам и правительствам союзных стран. В нем говорилось, что переговоры, ведущиеся в Брест-Литовске, прерваны на 10 дней (до 26 декабря) для того, чтобы дать последнюю возможность странам Антанты участвовать в этом миролюбивом акте.

³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia». Vol. 1. Washington. 1931, p. 331.

⁴ Ibid. Vol. II, p. 336.

Однако ни одна из стран Антанты не ответила на мирные предложения Советской республики. В составленном в это время Лансингом антисоветском меморандуме утверждалось, что большевики якобы «не имеют опоры в народе» и что правительство США не должно признавать Советское правительство. Признав большевиков в России, писал он, «мы поддержали бы их и их сторонников в других странах»⁵. В связи с Обращением Наркоминдела Лансинг заявил в письме к президенту от 20 декабря (2 января), что это — «обращение к пролетариату всех стран, невежественному и умственно отсталому, который благодаря своей численности побуждается стать руководящим. Здесь, по моему представлению, лежит самая серьезная и действительная опасность ввиду нынешнего социального волнения во всем мире»⁶. Государственный секретарь США клеветал на рабочий класс и был охвачен страхом перед его растущей силой.

Мирная программа Советской России поставила в трудное положение империалистические державы, которые хотели во что бы то ни стало довести войну до победного конца. Трудящиеся массы в капиталистических странах начинали прозревать, понимать, что мирная политика провозглашена именно новой Россией, страной, где государственная власть принадлежит народу, а не капиталистам и помещикам, заинтересованным в агрессии и войнах, в морабощении других стран. «Господа буржуа злобствуют оттого, — отмечал В. И. Ленин, — что народ видит, из-за чего его гнали на бойню»⁷.

Новая обстановка заставляла правительства империалистических стран рассказать народам о своих целях в войне в иной форме, чем это делалось ранее. Нельзя было не считаться с тем, что требования большевиков о заключении всеобщего мира пользовались поддержкой народных масс. Английская печать, например, писала о необходимости публичных заявлений «о союзной позиции в изменившихся обстоятельствах и о кардинальных целях, во имя которых война будет продолжаться»⁸. Когда Лансинг докладывал президенту по поводу Обращения Советского правительства от 17 (30) декабря, он не рекомендовал давать на него ответ. Но, учитывая характер обстановки, Лансинг вынужден был сказать, что считает целесообразным «в ближайшее время заявить о наших мирных условиях более подробно, чем это когда-либо делалось»⁹. Фрэнсис также полагал, что США должны высказаться по вопросу о войне и мире. В телеграмме, отправленной в Вашингтон 21 декабря (3 января), он предложил президенту обратиться «с посланием к русскому народу, разъяснив, почему союзные страны не могут присоединиться к мирным переговорам, начавшимся между Россией и центральными империями и отсроченным на 10 дней, чтобы дать возможность союзникам России участвовать в них»¹⁰. 26 декабря (8 января) Вильсон выступил в конгрессе с речью по вопросу о целях войны и позиции США в отношении России. В этом выступлении он сформулировал известные «Четырнадцать пунктов». Правительство США постаралось организовать широкую пропаганду этого документа. Так, сообщая на следующий день Фрэнсису о речи президента, Лансинг потребовал доложить о мерах, принятых для распространения речи Вильсона. «Четырнадцать пунктов» преследовали далеко идущие цели: убедить народы в необходимости продолжать войну, проливать кровь во имя интересов стран Антанты.

⁵ «War Memoirs of Robert Lansing». New York. 1935, p. 340.

⁶ «The Lansing Papers, 1914—1920». Vol. II, p. 348.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 310.

⁸ См. А. О. Чубарьян. Брестский мир. М. 1964, стр. 121.

⁹ «The Lansing Papers, 1914—1920». Vol. II, p. 349.

¹⁰ «Foreign Relations, 1918, Russia». Vol. I, p. 422.

Это была попытка как-то ослабить тот огромный резонанс на всем земном шаре, который имел советский Декрет о мире, противодействовать влиянию миролюбивой внешней политики Советского правительства и его конкретных шагов, предпринятых для завоевания демократического мира, попытка скрыть от народов мира захватническую, грабительскую программу американского империализма. В частности, пункт о России был пронизан исключительным лицемерием: «Необходимо настаивать на дружественном расположении Америки к России и на отсутствии у Америки эгоистических военных целей»¹¹. На словах «настаивать на дружественном расположении», а на деле — помогать силам контрреволюции бороться против советского народа; на словах заявлять, что у Америки нет «эгоистических военных целей», а на деле — стараться втянуть Россию в войну, чтобы ее народы проливали кровь во имя интересов США. Более откровенно говорилось об этом в другом документе американской внешней политики, так называемом Комментарий к «Четырнадцати пунктам», который появился несколько позднее, накануне Парижской мирной конференции. Он был составлен втайне от народа и не оставлял никаких сомнений в том, как понимал Вильсон «дружественное расположение к России». В Комментарий решение «русской проблемы» сводилось к тому, чтобы осуществить «признание временных правительств», а также «предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства»¹². Документ, одобренный Вильсоном, подтверждает, что США стремились ликвидировать власть Советов, расчленив Россию, обеспечить первенствующую роль американских монополий в мировой политике.

По свидетельству одного из биографов Вильсона, «Четырнадцать пунктов» являлись якобы «пропагандой мира»¹³. В действительности же это выступление должно было замаскировать империалистический характер войны. Любопытно, что даже американские источники называют имена посланного в Россию разведчика Сиссона и посла Фрэнсиса в числе тех, кто рекомендовал Вильсону декларировать «антиимпериалистические цели войны»¹⁴. Задача состояла в том, чтобы затушевать сущность войны, которую вели капиталисты, обмануть массы, сорвать советско-германские переговоры.

«Четырнадцать пунктов» Вильсона являли собой не программу мира, а программу продолжения империалистической войны, подавления революционного и национально-освободительного движения, утверждения мировой гегемонии монополистического капитала США. Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция, отказавшиеся принять участие в мирных переговорах, продолжали политику использования различных сил против Советского государства. Стране Советов, таким образом, угрожала интервенция со стороны не только империалистической Германии, но и англо-франко-американского империализма. Каждая из группировок хотела уничтожить государство социалистической революции, распорядиться ресурсами нашей страны по своему усмотрению. Отмечая, что Германия стремится захватить огромные русские территории, Фрэнсис запрашивал госдепартамент: если сепаратный мир нельзя будет предотвратить, должны ли США помочь Советам добиться наиболее благоприятных условий или «разрешить Германии продиктовать свои собственные условия»? Он был обеспокоен тем, что в случае если Германии «будет разрешено продиктовать унизительные условия Советскому правительству, последнее в связи с этим может быть так ослаблено», что монархисты свергнут его, а оказавшись у власти, «не сделают ли они Россию союзником Германии против нас».

¹¹ «Архив полковника Хауза». Т. III. М. 1939, стр. 231.

¹² «Архив полковника Хауза». Т. IV. М. 1944, стр. 151.

¹³ R. D. W a r t h. The Allies and Russian Revolution. Durkham. 1954, p. 210.

¹⁴ I b i d., p. 211.

Фрэнсис советовал оказать «помощь» существующему в стране правительству «на условиях, что мирные переговоры будут прекращены и помощь будет возмещена искренним энергичным продолжением войны»¹⁵. Если же мир с Германией не будет подписан, то революция в России может быть задушена германским империализмом.

Американская дипломатия любыми средствами добивалась провала брестских переговоров. Между тем правительство США лицемерно заявляло, что при условии, если переговоры ни к чему не приведут, оно готово пойти на установление контактов со Страной Советов. Это была попытка заманить молодую республику в ловушку, пообещав ей помощь и содействие. «Сепаратный мир,— писал Фрэнсис 19 января (1 февраля),— кажется теперь весьма сомнительным... Украина (имеются в виду буржуазные националисты.— А. Б.) и члены мирной делегации следуют за Троцким. Если, как я полагаю, переговоры закончатся без заключения сепаратного мира, то я был бы расположен установить деловые отношения с Советами»¹⁶. Вместе с тем Фрэнсис еще и еще раз советовал не признавать Советское правительство, а лишь «установить с ним деловые отношения с намерением оказать на него влияние»¹⁷. «Департамент одобряет Ваш курс»,— отвечал Лансинг, соглашаясь с тем, чтобы посол вступил в неофициальные отношения с советскими властями. Однако правительство США «никоим образом не готово признать официально правительство большевиков»¹⁸. Империалисты США взяли курс на восстановление сил реакции, на поддержку царских генералов, в частности Алексеева и Корнилова, которые, как писал Фрэнсис, организуют на юге страны армию «для поддержания порядка в России, когда Советское правительство будет свергнуто, как это теперь считается неизбежным»¹⁹.

Советская республика вынуждена была пойти на тяжелые условия мира, отступить перед коварным и сильным врагом — германским империализмом, чтобы выиграть время. Страна была разорена, новой армии не было, а старая оказалась небоеспособной. В таких условиях воевать с Германией значило погубить дело социалистической революции. Подобного исхода добивалась как внутренняя контрреволюция, так и ее зарубежные покровители.

Вопрос о войне и мире был важнейшим вопросом для партии и страны. В. И. Ленин показал, что в сложившейся обстановке в интересах защиты Советского государства необходимо заключение мира, несмотря на всю его тяжесть. Однако из-за авантюристической позиции Троцкого, Бухарина и других достижение мира было чрезвычайно затруднено. Строя свою тактику на том, что в Германии назрела пролетарская революция, которая вот-вот разразится, что германские войска утратили готовность к наступательным действиям, они высказывались против принятия немецких условий мира. В. И. Ленин решительно настаивал на подписании мирного договора, доказывая необходимость этого шага со стороны Советской России. Заключая сепаратный мир, «мы в наибольшей, возможной для данного момента, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну,— затрудняющую им сделку против нас,— используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции». Марксизм, подчеркивал В. И. Ленин, требует учета объективных условий и их изменения, вопрос надо ставить конкретно, применительно к обстановке, а суть в том, что суще-

¹⁵ «Foreign Relations, 1918, Russia». Vol. I, p. 422.

¹⁶ Ibid., p. 364.

¹⁷ Ibid., p. 369.

¹⁸ Ibid., p. 381.

¹⁹ Ibid.

ствует республика Советов, и «выше всего и для нас и с международно-социалистической точки зрения сохранение этой республики»; поэтому «в данный момент лозунг революционной войны со стороны России означал бы либо фразу и голую демонстрацию, либо равнялся бы объективно падению в ловушку, расставляемую нам империалистами, которые желают втянуть нас в продолжение империалистской войны, как слабую пока еще частичку, и разгромить возможно более дешевым путем молодую республику Советов»²⁰.

В самый острый момент Троцкий нанес предательский удар делу революции. Представители Германии 27 января (9 февраля) ультимативно потребовали подписания мирного договора, который предусматривал отторжение от России территории, оккупированной немецкими войсками. Возглавлявший советскую мирную делегацию в Брест-Литовске Троцкий грубо нарушил директиву В. И. Ленина — всячески затягивать переговоры, но в случае предъявления со стороны Германии ультиматума немедленно подписать мирный договор, — и заявил немецким представителям, что Советское правительство отказывается подписать мирный договор на условиях, предъявленных Германией, прекращает войну с ней и демобилизует свою армию. Тем самым Троцкий оказал огромную услугу империалистам Антанты. Как сообщал глава французской военной миссии в России генерал Ниссель, Троцкий высказывался за то, чтобы французские офицеры немедленно занялись обучением русских войск, американцы — железными дорогами, а англичане — артиллерийским делом²¹. Речь, по сути дела, шла о сохранении тех отношений России со странами Антанты, которые сложились в период Временного правительства. Получалось так, будто Советское правительство продолжало прежнюю политику России, и ни во внутреннем положении страны, ни в международной обстановке не произошло никаких изменений.

16 февраля 1918 г. генерал Гофман заявил, что с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Но по условиям перемирия предупреждение о прекращении перемирия должно было быть сделано за семь, а не за два дня. Советское правительство направило германскому правительству 19 февраля протест по поводу действий Германии, которая двинула войска против Советской республики, и одновременно поставило германское правительство в известность, что при создавшемся положении считает себя вынужденным «заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске»²².

Несмотря на это, германские войска продолжали наступление и в течение нескольких дней заняли большую часть Украины, Белоруссии, Прибалтику, создали угрозу Петрограду. Над Советским государством нависла серьезная опасность. ЦК Коммунистической партии, Советское правительство развернули активную деятельность по мобилизации трудящихся масс для отражения натиска врага. 21 февраля Совнарком принял декрет-воззвание, написанный В. И. Лениным, — «Социалистическое отечество в опасности!». Десятки тысяч советских людей встали на защиту революции, добровольно вступив в ряды Красной Армии. Эти дни ознаменовались организацией вооруженного отпора германским империалистам, рождением Красной Армии.

Не считаясь с тем, что Советское правительство заявило о готовности немедленно подписать мирный договор на условиях, предложенных в Брест-Литовске, германское командование продолжало наступление.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 407, 410.

²¹ General Niessel. Le Triomphe des Bolshéviki et la Paix de Brest-Litovsk. Souvenirs. 1917—1918. Paris. 1940, p. 331.

²² «Документы внешней политики СССР». Т. 1. М. 1957, стр. 106.

Империалисты уже не хотели ограничиваться прежними требованиями. Были предъявлены еще более тяжелые, более унижительные для страны условия договора. В. И. Ленин высказался за принятие германского ультиматума. Противники заключения мира и на этот раз не соглашались с предложением В. И. Ленина. Против договора с Германией ожесточенно выступали «левые коммунисты» во главе с Бухариным. Они заявляли, что после захвата власти перед пролетариатом «встает задача развития гражданской войны в международном масштабе, задача, ради выполнения которой он не может останавливаться ни перед какими опасностями»²³. Атаки Троцкого и «левых коммунистов» на ленинский курс — заключение мира с Германией — выражали определенную политическую концепцию — отрицание возможности победы социализма в одной стране; в соответствии с этой концепцией только при условии торжества революции на Западе, которую необходимо подталкивать, возможно будет обеспечить существование диктатуры пролетариата в России²⁴. Это была антиленинская, авантюристическая установка, способная погубить Октябрьскую революцию.

23 февраля большинство в ЦК поддержало позицию В. И. Ленина.

Послы так называемых союзных держав, в том числе Фрэнсис как дуэйн дипломатического корпуса, пытались оказать определенное давление на Советское правительство, пригрозив отъездом посольств и миссий из Петрограда — столицы Советской республики. В сущности, эти послы таковыми в действительности не являлись, поскольку их правительства не признавали правительство Страны Советов. Но они оставались в России и вели подрывную работу против социалистической революции. Американские дипломаты проявляли большую активность в организации реакционных антисоветских сил и распространении клеветнических слухов. 21 февраля Фрэнсис доносил в Вашингтон: в стране хаос, «правительство деморализовано»; союзники должны решительно действовать, чтобы оказать влияние на развитие событий в России. Он предлагал срочно занять войсками союзников порты России. «Я убедительно настаиваю на том, чтобы мы установили контроль над Владивостоком, англичане и французы — над Мурманском и Архангельском». Спустя три дня американский посол опять писал: «Я вновь рекомендую немедленно овладеть Владивостоком, Мурманском, Архангельском»²⁵. Мотив, выдвигавшийся Фрэнсисом в оправдание оккупации советской территории, не был новым: не допустить, чтобы ввезенное союзниками снаряжение попало в руки немцев. Вопрос ставился так: под лозунгом «защиты имуществ», дополненным затем «заботой» о том, чтобы помешать «превращению России в германскую провинцию», добиться подчинения России американско-англо-французскому империализму.

Для обоснования захватнических целей в отношении России империалисты не останавливались перед самой грубой клеветой. Фрэнсис, в частности, писал: «История показывает, что русские неспособны на большие движения или большие подвиги, так как на всем значительном, что ими достигнуто, можно видеть следы иностранного влияния или руководства. Сейчас время для союзников действовать»²⁶. В то время как в Бресте велись мирные переговоры, посольство США в Петрограде, следуя директиве своего правительства, предприняло попытку сорвать их путем опубликования фальшивок под видом «документов», «изобличающих лидеров большевиков в том, что им платит Германия». 28 января (9 февраля) Фрэнсис писал в госдепартамент: «Прилагаемое при

²³ См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». М. 1958, стр. 209.

²⁴ См. подробнее об этом К. И. Варламов, Н. А. Сломихин. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых коммунистов». М. 1964.

²⁵ «Foreign Relations, 1918, Russia». Vol. 1, pp. 384, 387.

²⁶ Ibid., p. 384.

этом подготовлено Сиссоном и мною по документам, в подлинности которых у меня нет никаких сомнений и оригиналы которых мы стараемся достать» (только стараются достать!). Фальшивки должны были доказать, что большевики «получали немецкие деньги от июня до октября за пропаганду мира и деморализацию армии»²⁷. И те, кто непосредственно готовил фальсифицированные материалы, и те, кто давал задание, были в полной уверенности, что состряпанные фальшивки сыграют роль мины, подведенной под мирную политику Советского правительства, подорвут влияние большевиков, изолируют их, взорвут мирные переговоры, следствием чего явится столкновение милитаристской Германии с Советской Россией и крах последней. Антисоветские бредни, опубликованные затем как «документы Сиссона», представляли собой идейное оружие правительства США, идеологическое обоснование политики интервенции.

Советская историческая наука давно разоблачила клевету американских реакционеров на Октябрьскую революцию, на партию большевиков, рабочий класс, советский народ. Сейчас о «документах Сиссона» американские буржуазные историки стараются не вспоминать, никто не решается защищать провокационное дело госдепартамента и его агентов. Американский историк и дипломат Дж. Кеннан, предпринявший попытку оправдать антисоветскую направленность внешней политики американских империалистов и их вооруженное вторжение на территорию Советского государства, вынужден был заявить, что «эти документы, безусловно, являлись подделкой от начала до конца»²⁸. Тем не менее ложь об Октябрьской революции была поставлена в США на уровень государственной политики. Фальшивки Сиссона, одобренные госдепартаментом, получили визу президента Вильсона на опубликование, а затем были включены в официальные сборники документов внешней политики США²⁹.

Попытки империалистов сорвать заключение Советской Россией мирного договора с Германией не увенчались успехом. Советское правительство, полное решимости вырвать у империализма передышку и спасти завоевания Октябрьской революции, добилось заключения мира, хотя условия его легли тяжёлым бременем на молодую Советскую республику. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске во время подписания мирного договора между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, советская делегация сообщила: «Мы открыто заявляем перед лицом рабочих, крестьян и солдат России и Германии, перед лицом трудящихся и эксплуатируемых классов всего мира, что мы вынуждены принять ультиматум, продиктованный нам более сильной в настоящее время стороной, и что мы немедленно подписываем предъявленный нам ультимативный мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения»³⁰. Состоявшийся 6—8 марта VII съезд РКП(б) рассмотрел вопрос о мире и признал необходимым утвердить подписанный Советским правительством мирный договор с Германией. Съезд подвел итог длительной борьбе в партии по вопросу о мире с Германией, полностью одоблив ленинскую линию; он выразил уверенность в том, что с точки зрения «интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим»³¹. Следующим ша-

²⁷ Ibid., pp. 370—371.

²⁸ G. Kennan. *Russia Leaves the War*. Princeton. 1956, p. 509.

²⁹ См. «Foreign Relations, 1918. Russia». Vol. I, pp. 371—378; см. также E. Sisson. *One Hundred Red Days. A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution*. New Haven. 1931, p. 336.

³⁰ «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 119.

³¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е, стр. 405.

гом должна была явиться ратификация мирного договора съездом Советов.

В этот период правительства стран Антанты все еще пытались помешать выходу Советской России из войны. Английские, французские и американские представители заявляли о готовности оказать нашей стране поддержку в борьбе против Германии, если мирный договор не будет ратифицирован. Например, министерство иностранных дел Англии 4 марта 1918 г. сообщило своему представителю в Петрограде, что «уже посланы инструкции английскому адмиралу в Мурманске оказать большевистским властям помощь какую только возможно для противодействия наступлению немецких войск». Предложение помощи было прикрытием антисоветских планов империалистов. «Союзники в этот момент боялись больше большевизма, чем Германии»³² делает вывод английский буржуазный историк Дж. Уилер-Беннет. Правительства США, Англии и Франции активно помогали силам контрреволюции, а не Стране Советов. Более того, империалисты стран Антанты подготавливали в это время военную интервенцию против Советской России. Их представители находились в контакте с Троцким, проводившим политику срыва мира с Германией и выступавшим за совместное антигерманское наступление стран Антанты. В телеграмме к Локкарту английское министерство иностранных дел отмечало: «Вы заявляете, что Троцкий желает иметь рабочее соглашение с Великобританией, хотя он не готов вступить в дружеские отношения. Его позиция ясна, но мы полагаем, что для него было бы также приемлемым попытаться достигнуть рабочего соглашения с Японией»³³. По сообщению Фрэнсиса, Троцкий направил к нему запрос: «Какую моральную и материальную помощь могут оказать союзники, если мир не будет ратифицирован на съезде в Москве?»³⁴. Фрэнсис, как говорится в его сообщении в госдепартамент от 5 марта, поручил военному атташе заявить, что он «рекомендует моральное и материальное сотрудничество при условии, что организованное сопротивление будет действительно восстановлено, что позволит задержать немецкое наступление и привлечь к себе войска, которые в противном случае были бы посланы на Западный фронт». А за день до этого посол спрашивал государственного секретаря: «Что с силами Соединенных Штатов, они во Владивостоке или вблизи него?» Его интересовал Дальний Восток, а также Север, где уже действовали англичане. Ссылаясь на помощника военного атташе Мартина, Фрэнсис сообщал, что на Севере растет «протест против мира с Германией» и что «вероятно, будет провозглашено независимое правительство»³⁵. Последняя фраза свидетельствует о том, что империалисты готовили контрреволюционный переворот на севере нашей страны.

В последний момент перед ратификацией Брестского мира американская дипломатия предприняла еще один шаг. По совету Фрэнсиса³⁶ правительство США решило официально поддержать противников заключения мира. В связи с созывом IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов президент Вильсон направил в его адрес телеграмму, в которой выразил «сочувствие русскому народу» по поводу германского вторжения в глубь страны. Вильсон надеялся оказать воздействие на взгляды делегатов съезда, собравшихся для того, чтобы ратифицировать Брестский договор. Как признает Кеннан, послание президента «должно было укрепить позиции противников ратификации Брестского

³² J. W. Wheeler-Bennett. Brest-Litovsk. The Forgotten Peace. March, 1918. London. 1956, p. 298.

³³ «Foreign Relations, 1918, Russia». Vol. I, p. 393.

³⁴ Ibid., p. 392.

³⁵ Ibid., p. 390.

³⁶ D. R. Francis. Russia from the American Embassy. New York. 1921, p. 229.

договора»³⁷. Ту же цель преследовал председатель Американской федерации труда Гомперс, направив съезду Советов послание, в котором спрашивал: «Как мы можем помочь?»³⁸. Между тем Вильсон заявлял, что правительство США в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать, но оно «использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость»³⁹. Через некоторое время народы нашей страны смогли убедиться в том, что забота США об обеспечении «полного суверенитета» России приняла форму вооруженного вторжения с целью удушения власти трудящихся — Советов, к съезду которых обращался Вильсон со словами приветия.

Телеграмма американского президента не ввела в заблуждение делегатов съезда Советов. Большинство голосов съезд утвердил мирный договор, заключенный в Брест-Литовске; признал правильными действия ВЦИК и Совета Народных Комиссаров, «постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения сил народа»⁴⁰.

Но борьба против мира не прекратилась. Чтобы поощрить к действию антисоветские силы, недовольные заключением мирного договора, на следующий день после принятия съездом Советов постановления о мире, Фрэнсис выступил с заявлением, в котором вновь утверждал, что американское правительство якобы питает чувства симпатии к России, и одновременно рисовал мрачные картины превращения России в «германскую провинцию». Цель своего выступления Фрэнсис сам определил таким образом: «Послание президента русскому народу (телеграмма Вильсона съезду Советов.— А. Б.) было направлено на то, чтобы помешать ратификации», в то время как «мое заявление было сделано после ратификации мирного договора и имело в виду инспирировать недовольство ратификацией»⁴¹. Как говорится, комментарии излишни.

Борьба Советского правительства за мир с Германией потребовала много времени, сил, энергии. Мирная передышка была завоевана. Вырвавшись из тисков империалистической войны, страна готовилась заняться хозяйственным строительством, организацией производства. Но приступить к непосредственному строительству социализма советский народ тогда не смог: мирная передышка вскоре закончилась. В связи с вооруженным нападением империалистов советские люди были вынуждены взяться за оружие, чтобы защитить независимость своей Родины.

³⁷ G. F. Kennan p. Op. cit., p. 509.

³⁸ «Russian-American Relations. March, 1917 — March, 1918. Documents and Papers». New York 1920, p. 88.

³⁹ См. «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 212, а также «Foreign Relations, 1918, Russia». Vol. I, p. 395.

⁴⁰ «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 212.

⁴¹ «Foreign Relations, 1918, Russia». Vol. I, pp. 439—440.